

АСТРА ВРАНЕШ

ЕСТЬ ЗВУК,
КОТОРЫЙ СЛЫШАТ
ТОЛЬКО ТЕ,
КТО УЖЕ
НА ГРАНИ.

ON AIR

ЧАСТОТА

МОСКВА СЛЫШИТ.

А ТЫ?

ДЕЛО №17-09
Причина смерти:
Убийство

00:00:17

Астра Вранеш

Частота

«Автор»

2026

Вранеш А.

Частота / А. Вранеш — «Автор», 2026

****Что, если существует звук, который нельзя услышать... но можно умереть от него?*** Бывший следователь Илья Гром уже однажды потерял карьеру, пытаясь доказать невозможное. Несколько загадочных смертей, лица, искажённые ужасом, и одна странная деталь, которую никто не захотел замечать: перед каждой смертью наступала абсолютная тишина. Когда акустик Соня Вель обнаруживает запись с аномальной частотой, которая появляется только после окончания записи, становится ясно: это не совпадение. По Москве медленно движется нечто, оставляющее после себя необъяснимые смерти. Его невозможно увидеть напрямую, невозможно поймать приборами и почти невозможно остановить. Расследование приводит к пугающей закономерности. Всё начинается с едва заметного шума на границе человеческого восприятия. Затем появляются странные отражения в зеркалах. И если однажды тишина вдруг зазвучит для тебя, времени останется совсем немного.

© Вранеш А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Сигнал	5
Глава первая. Человек, которому не поверили	5
Глава вторая. Демьянов	9
Г	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Астра Вранеш

Частота

Часть первая. Сигнал

Глава первая. Человек, которому не поверили

Илья Гром проснулся в 4:17 утра от тишины.

Не от звука — именно от тишины. Такой полной, какой не бывает в городе никогда: ни машин на Садовом, ни голубей на карнизе, ни гудения лифта в шахте. Москва за окном стояла абсолютно немой, как будто кто-то вывернул регулятор громкости до нуля.

Илья лежал не двигаясь и смотрел в потолок.

Он знал эту тишину. Он слышал её однажды — тринадцать месяцев назад, в квартире на Профсоюзной, где нашли Дениса Краюхина. Тридцать четыре года, аналитик данных, без хронических заболеваний, без следов насилия, без причины умирать в восемь утра в среду на кухонном полу с выражением абсолютного ужаса на лице. Соседи вызвали скорую из-за запаха — Краюхин пролежал двое суток.

Медики написали: остановка сердца.

Илья написал другое. Написал, что в квартире была тишина — аномальная, зафиксированная на его диктофоне как полное отсутствие фонового шума в радиусе предположительно нескольких метров. Написал, что такой же диктофонной записи с места происшествия на Речном вокзале не существует, потому что аппаратура следственной группы в тот день дала сбой — одновременно, вся, без объяснений. Написал, что это третий случай за семь месяцев с идентичной картиной смерти.

Его попросили переписать рапорт.

Он отказался.

Через три недели его уволили — по собственному желанию, формально, с выходным пособием и без скандала. Начальник отдела пожал ему руку и сказал: *Илья, ты хороший следок, но у тебя сдали нервы. Возьми паузу.* Илья взял паузу. Тринадцать месяцев паузы, в течение которых он пил умеренно, спал плохо и читал всё, что мог найти об акустических аномалиях, инфразвуке, резонансных частотах и смертях, необъяснимых с медицинской точки зрения.

Список получился длинным.

Он встал, прошёл к окну.

Москва за стеклом была обычной — огни, машины на Садовом, реклама на доме напротив. Звук вернулся — город шумел как всегда.

Илья постоял, потом пошёл варить кофе.

На столе лежала папка — та, которую он не убирал вот уже полгода. На обложке его почерком: *Три случая. Общее?* Внутри — распечатки, фотографии, схемы, ксерокопии медицинских заключений, которые он получил неофициально, через бывших коллег, которые ещё разговаривали с ним. Три смерти. Три человека, не связанных между собой ничем — ни районом, ни профессией, ни возрастом, ни социальным кругом. Краюхин-аналитик, Серафима Дольская-пенсионерка семидесяти одного года, Максим Ореш-студент двадцати двух лет.

Трое. Остановка сердца. Лицо ужаса. Тишина.

Кофе закипел.

Телефон на столе завибрировал.

Илья посмотрел на экран. Незнакомый номер, четыре часа двадцать минут утра. Он взял.

— Гром? — сказал женский голос. Не вопрос — уточнение, как говорят, когда знают, кто берёт трубку, но хотят убедиться.

— Да.

— Меня зовут Вель. Соня Вель. Вы меня не знаете. — Пауза. — Сегодня ночью в Тушино умер человек. Четвёртый за десять месяцев. Я это слышала.

Илья поставил кружку.

— Слышали как?

— В записи. У меня есть запись. — Ещё одна пауза, короче. — Я знаю, что вы занимались тремя предыдущими. Мне сказал Кошелев.

Кошелев — бывший коллега, единственный, кто не смотрел на Илью как на сумасшедшего, когда тот уходил.

— Кошелев не должен был, — сказал Илья.

— Знаю. Он сказал то же самое. Но сказал. — Голос в трубке был ровным — не испуганным, не взволнованным, а именно ровным, как бывает ровным голос человека, который испугался раньше, уже справился с этим и теперь работает. — Вы можете приехать?

— Сейчас?

— Сейчас. Запись нельзя хранить в телефоне — она его ест. Я имею в виду буквально: аккумулятор садится за двадцать минут, и что-то происходит с динамиком. Мне нужно оборудование, а оно в лаборатории. Я сейчас в лаборатории.

— Где лаборатория?

Она назвала адрес — улица Радио, иронично.

Илья посмотрел на папку с тремя случаями.

— Через сорок минут, — сказал он.

Лаборатория располагалась в советском здании НИИ, которое пережило девяностые с достоинством и нулевые с трудом и теперь стояло в состоянии перманентного косметического ремонта — часть коридоров свежепокрашена, часть облуплена до штукатурки. Охранник на входе посмотрел на Илью без интереса и позвонил наверх. Через минуту за ним пришла она сама.

Соня Вель оказалась лет тридцати пяти, невысокой, в лабораторном халате поверх джинсов, с тем видом человека, который не спал, но давно перестал об этом думать. Тёмные волосы собраны небрежно. Никаких приветствий — только:

— Идите за мной.

Лаборатория была большой и забитой: стойки с оборудованием вдоль стен, мониторы, провода, что-то, напоминающее студийный пульт, увеличенный до неприличных размеров. На одном из столов — ноутбук, рядом с ним — телефон, подключённый к чему-то через толстый провод.

— Садитесь, — сказала Соня. — Я покажу сначала, потом объясню. Или наоборот — как вам удобнее?

— Сначала покажите.

Она кивнула. Села за пульт, надела наушники — большие, профессиональные — и протянула ему такие же.

— Наденьте. Вы не услышите на обычных колонках — частота слишком низкая, граница восприятия. Эти дают достаточно.

Илья надел наушники.

— Я добавлю усиление на восемнадцать децибел, — сказала она, уже через микрофон в наушниках. — Иначе совсем ничего. Готовы?

— Да.

Она нажала что-то.

Илья услышал.

Это не было звуком в обычном смысле — ни мелодией, ни голосом, ни шумом. Это было давлением. Как будто воздух в ушах стал другим — плотнее, тяжелее, с пульсацией, которую нельзя было назвать ритмом, потому что у ритма есть повторение, а у этого не было. Это было единственным. Одним длинным — не тоном, а присутствием.

Потом запись кончилась.

Илья снял наушники.

Соня смотрела на него.

— Вы побледнели, — сказала она. Не сочувственно — констатируя.

— Я слышал это раньше, — сказал Илья.

— Я знаю. Кошелев сказал, что вы упоминали акустическую аномалию. — Она повернулась к мониторам. — Я провела спектральный анализ. Вот.

На экране — волновая диаграмма. Длинная, почти ровная линия с едва заметным утолщением в одной точке.

— Частота восемнадцать целых девять десятых герца, — сказала Соня. — Инфразвук. Ниже порога человеческого слуха в стандартных условиях. Но вот что интересно. — Она нажала что-то, и на диаграмме появилась вторая линия — поверх первой, почти совпадающая. — Это запись с Речного вокзала. Два года назад. Я нашла её в закрытом акустическом архиве НИИ — мы иногда работаем с городскими службами, мониторим шумовой фон. Официально это сбой датчика. Частота — восемнадцать целых девять десятых герца.

Две линии лежали одна на другой точно.

— Это не сбой, — сказал Илья.

— Нет, — согласилась Соня. — Это не сбой. — Она откинулась на спинку кресла. — Восемнадцать и девять — это так называемая резонансная частота яблочного яблока. При достаточной интенсивности вызывает вибрацию сетчатки, зрительные галлюцинации, панику. При очень высокой интенсивности — теоретически — аритмию и остановку сердца. Это известно. Это физика. — Пауза. — Что неизвестно — это как создаётся такая интенсивность в закрытом помещении без видимого источника. И почему мои датчики фиксируют сигнал только постфактум. Никогда — в реальном времени.

— Что это значит — постфактум?

— Это значит, — сказала Соня медленно, — что сигнал появляется в записи после того, как я её делаю. Его нет во время записи. Он появляется потом.

Илья смотрел на неё.

— Это невозможно.

— Да, — сказала Соня. — Именно поэтому я позвонила вам в четыре утра.

Они просидели до рассвета.

Соня показала всё — не только запись, но и логи датчиков, архивные спектрограммы, сравнительный анализ, который она провела за последние три месяца, работая в одиночку, никому ничего не говоря, потому что говорить было некому и незачем, пока она сама не поняла, что именно видит.

Илья слушал и спрашивал — коротко, по делу. Она отвечала так же.

К шести утра они оба знали про друг друга следующее: он — что она не сумасшедшая и не мистик, а человек с профессиональным инструментом, столкнувшийся с явлением, которое этот инструмент не объясняет. Она — что он не параноик и не фанатик, а следовательно с тремя задокументированными случаями, которые система предпочла не замечать.

— Четвёртый — кто он? — спросил Илья.

— Мужчина, пятьдесят один год. Руслан Демьянов. Нашли сегодня ночью. Я услышала запись в час сорок — я пишу фоновый шум района постоянно, это часть моей работы, город-

ской акустический мониторинг. Потом посмотрела новости. — Пауза. — Официально — инфаркт.

— Демьянов, — повторил Илья. — Профессия?

— Системный администратор. — Соня смотрела на него. — Вы думаете о связи между жертвами.

— Я всегда о ней думаю. Три предыдущих — ничего общего. Совсем.

— Может быть, — сказала Соня, — связь не в них. Может быть, связь в том, что их слышит.

Илья посмотрел на спектрограмму на экране. Две одинаковых линии, наложенных друг на друга. Частота восемнадцать и девять — та, что вибрирует в глазных яблоках, вызывает ужас и останавливает сердца.

За окном рассветало. Москва начинала утренний шум.

— Вы будете работать со мной? — спросил он.

Соня помолчала секунду.

— Я уже работаю, — сказала она. — Три месяца в одиночку. Просто теперь нас двое.

Илья кивнул.

Взял телефон — посмотреть что-нибудь про Демьянова.

Телефон был горячим. Аккумулятор показывал одиннадцать процентов. Час назад было семьдесят.

— Уберите от записи, — сказала Соня, не оборачиваясь. — Она ест электронику. Я же предупреждала.

Илья убрал телефон в карман.

Смотрел на экран с двумя одинаковыми линиями.

Восемнадцать и девять герц.

Где-то в Тушино лежал Руслан Демьянов с выражением абсолютного ужаса на лице.

Пятый будет. Илья знал это так же точно, как знал, что кофе за окном в ларьке уже варится и через час откроется метро.

Вопрос был только в том, успеют ли они раньше.

Глава вторая. Демьянов

Руслан Демьянов жил в панельной девятиэтажке на улице Сходненской — той части Тушино, где дома стоят так плотно, что между ними почти не бывает дневного света. Подъезд пах кошками и старым деревом. Лифт не работал.

Илья поднялся на шестой этаж пешком.

Квартира была опечатана — стандартная жёлтая лента, казённая бумажка с подписью. Смерть наступила ночью, тело увезли, соседи ещё не успели выйти на утренний обход. Илья постоял у двери, потом достал телефон и набрал Кошелева.

Тот взял на третьем гудке — голос сонный, но не удивлённый.

— Демьянов, — сказал Илья без предисловий. — Тушино. Сегодня ночью.

Пауза.

— Я видел утреннюю сводку, — сказал Кошелев. — Инфаркт. Пятьдесят один год, в анамнезе гипертония.

— Выражение лица?

Ещё одна пауза — дольше.

— Илья.

— Кошелев. Выражение лица.

— Я не был на месте, — сказал Кошелев медленно. — Но в протоколе... написано «выраженный мимический спазм». Патологоанатом отметил как особенность.

Мимический спазм. Протокольное слово для того, что Илья видел на фотографиях трёх предыдущих: лицо человека, который в последнюю секунду жизни увидел что-то, от чего разум отказывался работать.

— Соседи что-нибудь слышали?

— Ничего. Тихая смерть.

— Тихая, — повторил Илья. — Да.

Он попрощался и убрал телефон. Постоял у двери ещё минуту. Потом пошёл вниз — к соседям.

Квартира напротив принадлежала женщине лет шестидесяти пяти по имени Тамара Ильинична. Она открыла дверь сразу, будто ждала, — в халате, с чашкой чая, с видом человека, который не спал и не собирался.

— Следователь? — спросила она, глядя на Илью.

— Бывший, — сказал он честно. — Частное расследование. Вы знали Демьянова?

Тамара Ильинична посмотрела на него секунду, потом посторонилась.

— Заходите. Чай будете?

Он зашёл.

Кухня была маленькой и чистой — из тех кухонь, где всё на своих местах, потому что места мало и беспорядок негде разместить. На подоконнике — герань и кактус. На стене — календарь с котами.

— Руслан был тихим, — сказала Тамара Ильинична, наливая чай без спроса. — Очень тихим. Компьютеры, работа из дома, почти не выходил. Иногда здоровался в лифте. — Она поставила чашку перед Ильёй. — Ночью я проснулась.

— От чего?

— Вот в том и дело. — Она села напротив. — Не от шума. Наоборот. Я живу здесь тридцать лет. Я знаю, как шумит этот дом ночью. Трубы, лифт, машины с улицы. Я к этому привыкла так, что не слышу. А тут я проснулась — потому что ничего не было. Понимаете? Абсолютная тишина. Я даже решила, что оглохла.

Илья обхватил чашку руками.

— Сколько это длилось?

— Минуты три. Может, четыре. Потом всё вернулось — лифт загудел, машина проехала. И я подумала: приснилось. Легла. — Пауза. — А утром увидела ленту у его двери.

— Во сколько это было?

— Около двух ночи. Я смотрела на часы потом, когда уже не спала.

Час сорок — время записи Сони. Около двух — тишина в квартире Тамары Ильиничны.

— Вы чувствовали что-нибудь физически? — спросил Илья. — Давление в ушах, головокружение, тошноту?

Тамара Ильинична смотрела на него. Потом сказала:

— Страх.

— Что?

— Я почувствовала страх. Просто страх, без причины. Как будто что-то очень плохое прямо рядом. — Она помолчала. — Я решила, что это сон. Что мне приснилось плохое, и я проснулась с этим ощущением. Бывает же так.

— Бывает, — сказал Илья.

Он допил чай, поблагодарил и ушёл.

Соня ждала его в машине у подъезда — своей, старой ауди с антенной на крыше, которая, как Илья уже понял, была не заводской.

— Что? — спросила она, когда он сел.

— Соседка слышала тишину около двух. Потом — страх без причины. — Он посмотрел на антенну. — Что это?

— Мобильный приёмник. Я пишу с него, когда нет стационарного оборудования. — Соня смотрела в лобовое стекло. — Страх — это физиология. Инфразвук на частоте восемнадцати герц активизирует минадевидное тело — зону мозга, ответственную за реакцию страха. Это задокументировано. Викор Танди, британский исследователь, в девяносто восьмом году описал случай в лаборатории — все сотрудники испытывали необъяснимый ужас, потом выяснилось, что вентилятор давал восемнадцать и пять герца. Как только убрали вентилятор — страх прошёл.

— Значит, соседка тоже попала под воздействие.

— Она была за стеной. Это интересно. — Соня наконец повернулась к нему. — Если источник был в квартире Демьянова, стена должна была существенно гасить интенсивность. Но она всё равно почувствовала. Это означает либо очень высокую начальную мощность, либо...

— Либо что?

— Либо источник был не в квартире.

Они помолчали.

— Где тогда? — спросил Илья.

— Не знаю. — Соня открыла ноутбук — старый, с наклейкой на крышке, изображающей волновую синусоиду. — Я запросила у своих коллег данные акустического мониторинга по этому району за последние три месяца. Есть кое-что.

На экране — карта. Москва, фрагмент северо-запада. Несколько точек, отмеченных разными цветами.

— Красные — места смертей. Четыре точки, включая сегодняшнюю. — Она провела пальцем по экрану. — Синие — зафиксированные акустические аномалии в диапазоне инфразвука. Их больше. Намного.

Красные точки были внутри синих — каждая красная окружена несколькими синими.

— Сначала аномалия, потом смерть? — спросил Илья.

— Не всегда. Иногда одновременно. Иногда аномалия есть, а смерти нет. — Соня увеличила фрагмент карты. — Но вот что: если посмотреть на все синие точки — они не случайны. Есть структура.

Илья смотрел на экран.

Структура была. Синие точки — если смотреть не на отдельные, а на весь паттерн — складывались в нечто похожее на... не линию. Не круг. Что-то среднее. Как будто кто-то чертил спираль, но неравномерно, с остановками.

— Это движется, — сказал Илья.

— Да. — Соня закрыла ноутбук. — Если отсортировать по времени — аномалии смещаются. Медленно, без чёткого направления, но смещаются. Как будто что-то перемещается по городу.

— Что-то.

— Я не знаю что. — Она сказала это без извинений — просто факт. — Я акустик. Я вижу сигнал и его характеристики. Что его производит — это уже ваша часть.

— Моя часть, — повторил Илья.

Он смотрел на карту на закрытом ноутбуке, как будто видел её сквозь крышку.

Что-то перемещается по Москве. Останавливается. Производит звук, которого нет до и нет после, но который убивает. Потом идёт дальше.

— Мне нужно всё, что есть на трёх предыдущих жертв, — сказал он. — Все детали. Время смерти, точное место, чем занимались в последние дни.

— У вас же есть папка.

— Есть. Но теперь у меня есть карта, которой раньше не было. Надо смотреть заново.

Соня кивнула.

— Ко мне в лабораторию, — сказала она. — Там экраны больше.

Она завела машину.

— Вель, — сказал Илья. — Как вы вообще на это вышли? Три месяца назад?

Она немного помолчала — не уклоняясь, а подбирая слова.

— Я работаю с городским акустическим фоном уже восемь лет, — сказала она. — Мониторинг шума, вибраций, инфразвука — это нужно для разных целей: строительство, транспорт, медицина. Я знаю, как звучит Москва. — Пауза. — Три месяца назад я обрабатывала архив за прошлый год и нашла этот сигнал. Сначала решила — ошибка оборудования. Откалибровала датчики заново, проверила алгоритмы. Сигнал остался. Тогда я начала смотреть, где он появляется — и нашла первую смерть рядом с первой аномалией. Потом вторую. Потом третью.

— И не пошли в полицию.

— Пошла, — сказала Соня ровно. — Три недели назад. Дежурный посмотрел на мои распечатки, сказал «спасибо» и попросил оставить контакты. Больше не звонили.

Илья смотрел в окно на просыпающийся город.

— Добро пожаловать в клуб, — сказал он.

Соня не ответила. Но что-то в её плечах чуть расслабилось — едва заметно, как расслабляются, когда оказываются не одни.

Москва за стеклом шумела на всех своих обычных частотах.

Где-то в этом шуме — между гулом метро и криком чаек над Москвой-рекой и рёвом двигателей и чьим-то радио в открытом окне — пряталась одна лишняя. Восемнадцать и девять.

Движущаяся. Ищущая. Следующая жертва.

Они ехали в лабораторию, и у обоих не было сомнений: пятый уже где-то рядом.

Вопрос только в том — с какой стороны.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.